

Научная статья
УДК 130.2 (043.3)
doi: 10.17223/15617793/474/13

Инструмент для культивации культуры. Об общем методе культурологической науки

Павел Вадимович Волков¹

¹ *Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Киев, Украина, pvolkov84@yahoo.com*

Аннотация. Рассматриваются проблемы методологии культурологических исследований, дается критика абсолютизации эпистемологического плюрализма как способа выбора научного метода. Автор утверждает, что для любого научного исследования адекватен именно тот метод, который совпадает с содержанием изучаемого предмета, метод, организующий тождество мышления и мыслимого, совпадение движения мысли ученого с движением развития самой науки. Таким универсальным методом культурологической науки автору видится диалектический монизм, диалектика Г.Ф.В. Гегеля, которая как некий логический «компас» позволяет сохранять верное направление – тождественность мышления ученого развитию изучаемого им предмета.

Ключевые слова: культурология, метод, плюрализм, монизм, диалектика, деятельность, культурная практика, культурная среда

Для цитирования: Волков П.В. Инструмент для культивации культуры. Об общем методе культурологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 119–124. doi: 10.17223/15617793/474/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/13

A tool for the cultivation of culture. On the general method of cultural science

Pavel V. Volkov¹

¹ *National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine, pvolkov84@yahoo.com*

Abstract. As a result of many years of discussions about what exactly culturology studies and whether it is a separate science at all, it has become, by and large, the conventional agreement of scientists to consider, following the post-positivist Popper, that there are as many sciences as there are scientists. In a sense, this is convenient, since it allows any available methods to be used for the study of culture with an equal degree of acceptability. The problem is not that they cannot be applied at all, but in their equivalence, lack of causal subordination, hierarchy. It is this position that follows from the impossibility (or unwillingness) to strictly limit the subject of cultural studies because if culturology studies "... any types and forms of human life" (A. Flier), then any method for studying them can be chosen. After Hegel, attempts to comprehend the general laws of the development of culture (and this is the task of culturology as a science) become increasingly rare, and the work of a culturologist is reduced to a phenomenological description of individual cultural phenomena, which are essentially unknowable without their generalization. The substance of culture has dissolved in all the infinite variety of its accidents. Human activities depend on living conditions, but it also creates new conditions, a new "context", which in turn mediates new forms of activity, and these create a new culture, a new social experience materialized in artifacts, norms of behavior and language and so on ad infinitum. A person constantly creates culture and a new oneself with it, he himself becomes the result of his creation. "The circle of culture", its development from person to person, i.e. from oneself to oneself, with each circle at an ever-higher level of social progress – conceptually, such a movement can be comprehended only with the help of Hegelian dialectics. Logic reflects the movement of the world in the movement of concepts, thereby becoming a theoretical reflection of scientific thinking. The principle of the dialectical method lies in the identity of thinking and the thinkable, i.e. in that the movement of the scientist's thought coincides with the movement of the development of science. This conclusion does not imply that other methods are inapplicable in cultural studies. On the contrary, the diversity of different approaches to the study of culture is also objectively necessary, as is the objective existence of the diversity of cultural phenomena. But as an individual presupposes the universal, so the manifold presupposes the one. This connection is cognized with the help of Hegelian dialectics, dialectical monism, a universal method for social sciences, including cultural studies; universal, not in the sense of the only one, but in the sense of a single, systemically uniting various particular methods, a kind of logical "compass" that does not allow one to stray from the right direction of movement of any science – movement to truth.

Keywords: cultural studies, method, pluralism, monism, dialectics, activities, cultural practice, cultural environment, circle of culture

For citation: Volkov, P.V. (2022) A tool for the cultivation of culture. On the general method of cultural science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 119–124. (In Russian).
Doi: 10.17223/15617793/474/13

Как рыбам воду, нам не удастся «увидеть» культуру, поскольку она является средой, в которой мы существуем.

Майкл Коул

Результатом многолетних дискуссий о том, что именно изучает культурология и является ли она вообще отдельной наукой, стало, по большому счету, конвенциональное соглашение ученых считать вслед за постпозитивистом Поппером, что сколько ученых, столько и наук. В каком-то смысле это удобно, поскольку позволяет с равной степенью приемлемости использовать для изучения культуры любые доступные методы: структурный (К. Леви-Стросс), социологический (П. Сорокин), игровой (Й. Хейзинг), герменевтический (П. Рикер), семиотический (Ю. Лотман), аксиологический (Э. Кассирер), диалоговый (С. Библер), цивилизационный (О. Шпенглер), феноменологический (Э. Левинас), психоаналитический (К. Юнг) и несть им числа. Проблема состоит не в том, что вышеперечисленные методы нельзя применять совсем, а в их равнозначности, отсутствии причинно-следственного соподчинения, иерархии. Именно такая позиция вытекает из невозможности (или нежелания) строго ограничить предмет культурологии. Потому что если культурология изучает, как говорит А.Я. Флиер, «...любые виды и формы человеческой жизнедеятельности» [1], то и метод для их изучения можно выбрать любой. Если же следовать, как это сегодня делают многие, постулату М. Хайдеггера о том, что «философия ценности оказывается истинной научной философией культуры» [2. С. 38], и редуцировать культуру до ценностно-нормативной системы [3], то выбор метода становится столь же субъективен, сколь субъективны морально-нравственные и политические ценности каждого ученого.

В этом месте мы сталкиваемся с популярной сегодня философской доктриной плюрализма, которая в развитии мира постулирует абсолютное равенство многих независимых начал, что тут же ставит вопрос о системности как таковой. А возможна ли наука без системности? Вряд ли кто-то станет отрицать многообразие мира, равно как и разнообразие взглядов и мнений. Но одно дело «плюрализм мнений», а другое – неприемлемый для науки «плюрализм знаний». Вопрос не в многообразии, которое очевидно, а в отрицании системного единства мира, поскольку несистемное и незакономерное непознаваемо [4]. Если для разнообразных единичных феноменов нет ничего всеобщего и устойчивого, то ни у одной вещи, ни у одного организма вплоть до человека нет истории. Каждое мгновение вещь – это уже другая вещь, каждое мгновение, казалось бы, тот же самый человек – уже другой, лишь появившееся из ниоткуда и тут же ушедшее в никуда бытие-для-иного. «Абсолютно единичное, уникальное – принципиально непознаваемо, ибо знание, как и мысль, имеет своей исходной формой понятие, а понятие и есть мысль, отражающая и фиксирующая существенно-общие характеристики опреде-

ленного класса моментов (вещей, явлений, отношений и свойств) объективной реальности. Не было бы общего, воспроизводящегося, нечего было бы отражать и фиксировать» [5. С. 148]. Ну а если все детерминанты того или иного явления качественно однотипны, то невозможно определить истинную причину явления.

Так, профессор В.П. Огородников выделяет три мировоззренческо-методологических оснований плюрализма [6]:

- 1) номинализм как абсолютизацию единичного;
- 2) аномологизм как отрицание закономерного начала в мире;
- 3) индетерминизм как абсолютизацию случайности, отрицание определенностей, зависимостей и связей.

Случайный выбор научного метода напоминает гениальный диалог Алисы с Чеширским Котом [7. С. 105]:

- Не знаете ли вы, как мне выйти отсюда?
- Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, – ответил Кот.
- Мне, в общем-то, все равно... – начала Алиса.
- Значит, тебе все равно, в какую сторону идти, – перебил ее Кот.

Алисе все равно куда идти, но не все равно науке. Ее цель – не демократически примирить ценности и взгляды разных ученых, а найти истину. «Враг» постпозитивиста Поппера, великий Платон, еще в древней Античности понимал, что «тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину...» [8. С. 615]. Однако целая плеяда популярных сегодня философов, от неокантианцев до разного рода постмодернистов, отрицает возможность познания объективной истины, оставаясь лишь на поверхности явлений, на уровне личностных ощущений и набора фактов, которые невозможно и не нужно обобщать. Чем дальше, тем больше понятие истины вытесняется из философии науки, лишая науку своей сущностной цели.

«Если мы отказываемся от понятия истины, – пишет А.Л. Никифоров, – то мы теряем способность отличать правильные выводы и рассуждения от неправильных. Правила вывода, не опирающиеся на понятие логического следования, становятся тогда правилами игры с символами, или со словами, которые можно принимать по соглашению, можно произвольно изменять, и ничто не ограничивает наш произвол. Тогда наши рассуждения действительно становятся не более чем языковой игрой, подобной любой другой игре» [9]. Если суждения ученого и сектанта, верящего, что земля плоская, дипломированного специалиста и дилетанта, впервые услышавшего об обсуждаемом вопросе, психически здорового человека и душевнобольного равноценны, а судья не выясняет, виновен или невиновен подсудимый в действительности, но воспринимает доводы обвинения и защиты лишь как лучшую или худшую риторику (в соответствии со своими ценностями), рушится вся цивилиза-

ция. Рушится, превращая общество, как писал Жак Аттали, в «новых кочевников» [10] без семьи, родины, национальной и культурной принадлежности.

«Знание говорит мне, что если я посажу в землю клубень картофеля, то вырастет картофель, а не свекла или морковь» [11]. Если было бы иначе и философский плюрализм действительно позволял из семени пшеницы получить виноградную лозу, кокосовую пальму или баобаб (согласно воле недетерминированного логическими причинно-следственными связями сознания обрабатывающего поле крестьянина), научная деятельность лишилась бы всякого смысла. Но «...разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно» [12. С. 10], а значит, подчинен логическим законам.

Именно поэтому научный метод – не просто какой-то более или менее «нравящийся» тому или иному ученому способ изучения предмета. Метод Г.В.Ф. Гегель определил как осознание формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета [4]. Это значит, что метод науки не может быть оторван от предмета науки, не может быть выбран волюнтаристски, по фейерабендовскому принципу «все сойдет» [13].

Если культурология изучает все на свете («...любые виды и формы человеческой жизнедеятельности»), т.е. не ограничивает свой предмет, является беспредметной, то и метод ее безграничен, а значит, неопределен. Но неопределенность – это вещь-в-себе, чистая абстракция и чистое ничто [4], то, чего нет. Поэтому вслед за чеховским героем мы вынуждены заметить, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» [14], а вслед за героем Гашека добавить: «Никогда так не было, чтоб никак не было. Всегда так было, чтобы как-нибудь да было» [15].

Конечно, всегда что-нибудь да есть. И, конечно, наука культурология как, пусть на сегодняшний день лишь в потенции, но все же система знаний о культуре содержит внутри себя и свой предмет, и соответствующий этому предмету метод. Содержит в себе, т.е. не в отрыве от своего содержания. Предмет и метод связаны как сталь и кузнечный молот, как мишень и ружье, как платье и швейная машина. Причем насколько бы сложны они ни были, сложное всегда – сложенное из простых. Таким образом, выбор метода для того или иного научного исследования в конечном итоге сводится к простому вопросу: какой инструмент адекватен для работы с заявленным предметом? Как для забивания гвоздя молоток подходит лучше, чем микроскоп, так и для научного исследования адекватен именно тот метод, который совпадает с содержанием изучаемого предмета.

Предмет науки – ключевое именно для этой науки свойство многообразного объекта. Культура и материальна, и духовна. В этом заключается единство противоположностей основных форм человеческой деятельности, и именно отсюда проистекает противоречивое взаимодействие между отражающим природу идеальным в человеческом разуме и материальным миром создаваемых человеком вещей. Природа оче-

ловечивается людьми в духовные и материальные формы культуры, очеловечивается посредством орудий труда, становящихся между человеком и природой как в ее первозданном, так и в окультуренном виде. В своей классической работе американский философ и педагог Джон Дьюи писал, что орудия труда первоначально были непосредственно данными продуктами природы, а затем человек придавал им иную форму с целью эффективного осуществления какого-либо типа поведения [16]. Так и создавалась культура.

Поэтому предмет культурологии (свойство общества, которое и изучает наука культурология) – человеческая способность накапливать и передавать духовный и материальный опыт с целью выживания и развития человечества. Это предметно-чувственная деятельность, в результате которой человек осваивает природу и самого себя.

Какой инструмент адекватен изучению человеческой деятельности по постижению и преобразованию мира? Теория эволюции, которую сегодня не осмелится оспорить ни один антрополог, однозначно говорит, что человеческое естество не неизменно. Человек культивирует природу и вместе с этим создает сам себя. «Культура – это “история в настоящем”. Способность развиваться в этой (культурной. – прим. авт.) среде и обеспечивать ее воспроизводство в последующих поколениях составляет отличительную черту нашего вида», – писал представитель американской культурно-исторической психологии М. Коул [17. С. 133]. Человек – активный субъект своего развития, но его предметно-чувственная деятельность вместе со своими результатами детерминирована его волевой интенцией лишь относительно. А вот фактор среды абсолютен. При всем желании невозможно построить каменный дом, если поблизости нет камня или нет транспорта для его подвоза. Да и сама идея каменного дома не может родиться в голове человека, не знающего, что такое камень и что такое дом. Жители леса будут охотиться на оленя, а жители морского побережья – ловить рыбу, и это определит их образ жизни, обычаи, традиции, всю культуру. Культурные формы различаются как вследствие разных условий жизни различных обществ, так и вследствие исторического развития одного и того же общества, перехода его к иным способам производства и воспроизводства жизни. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [18. С. 19].

Опыт, который и есть культура, не возникает сам по себе в сознании индивида. Он не предустановлен генетически, не дан свыше и не случаен. «...мы живем от рождения до смерти в мире людей и вещей, который в большой мере таков, каков он есть, благодаря тому что было порождено и передано нам предшествовавшей человеческой деятельностью. Когда этот факт игнорируют, опыт трактуют как нечто, происходящее внутри тела или души отдельного человека. Нет необходимости говорить, что опыт не возникает в вакууме, вне индивида существуют источники, порождающие развитие опыта» [19. Р. 39]. Источники вне индивида – это то, что Уильям Вентворт называл контекстом как «единицей культуры» [20. Р. 92], си-

туацией и временной ареной для человеческой деятельности.

Итак, базисом культуры являются объективные условия жизни того или иного сообщества, а инструментом создания культуры – опосредованная условиями жизни и опосредствованная имеющимися в наличии орудиями труда деятельность.

«В начале было дело», – говорил Фаусту Мефистофель [21]. И хоть дух, сказавший это, представлял силы ада, но мысль его оказалась райски светлой. Новая культура возникает вместе с новыми формами поведения, с появлением способности создавать новые материальные объекты и использовать их для взаимодействия с природой и самими собой. Аккумулированная в настоящем деятельность предыдущих поколений создает новую среду, в которой в свою очередь возникают новые формы поведения. Такая привычно повторяющаяся деятельность, в отношении которой существуют нормативные ожидания, есть «культурная практика» [17]. И она, как утверждает Э.В. Ильенков, складывается в ходе истории «...независимо от воли и сознания отдельных лиц... Отдельный индивид всеобщие формы человеческой деятельности в одиночку не вырабатывает и не может выработать, какой бы силой абстракции он ни обладал, а усваивает их готовыми в ходе своего приобщения к культуре вместе с языком и выраженными в нем знаниями» [22. С. 227].

Таким образом, чтобы иметь возможность изучать не единичные культурные практики (а их, в общем-то, и нельзя изучать, но лишь феноменологически описывать), а культурную практику как таковую, нужно обобщение, выведение всеобщих форм человеческой деятельности. А это не позволяло сделать методы, связанные с философией позитивизма, неокантианства и других течений, абсолютизирующих единичное. Мир не познается в единичных ощущениях, каковые даны и животным. Это на практике в ходе знаменитого Загорского эксперимента доказал Э. Ильенков, который смог социализировать и научить коммуникации от рождения лишенных почти всех ощущений слепоглухонемых детей. Мир познается в понятиях, в результате «деятельности мышления, наука о котором и есть логика» [23. С. 35]. Но законы мышления не оторваны от законов природы. Мало того, «всеобщие законы изменения природы человеком – это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять. Будучи осознанными, они и выступают как законы разума, как логические законы» [22. С. 228].

Только формальной, аристотелевской, логики недостаточно для понимания процессов в живом, противоречивом обществе. Даже в самом базовом, разделяемом всеми культурологами постулировании культуры как одновременно и духовного и материального явления уже заложено противоречие, требующее своего разрешения. Метод же синтетического разрешения противоречий есть диалектика Гегеля, единственная обобщающая философская система.

Научное обобщение категорически необходимо, чтобы выделить то, что некоторые называют универсалиями культуры, общими установками жизни раз-

ных народов, наличие которых подтверждают бесчисленные эмпирические данные. Не могут не подтверждать, поскольку хоть мы все и разные люди, но мы прежде всего люди. Такова связь единичного со всеобщим.

«В каждой культуре, – пишет Т.И. Ойзерман, – мы обнаруживаем почтительное, иногда даже благоговейное отношение к материнству. Любовь матери к своему ребенку, любовь бескорыстная, самоотверженная, есть культурно-исторический факт и вместе с тем норма, долженствование. То обстоятельство, что не все матери соответствуют этому культурному стереотипу, несколько не лишает его всеобщего значения, присущего универсалии» [24]. Универсалией культуры сначала становится объективная необходимость для выживания, которая затем трансформируется в морально-нравственный императив, а затем – в культурную практику. Культурная практика превращает необходимость в свободу, утилитарная функция вошедшего в стереотип поведения исчезает, оно больше не требуется для выживания, но сама практика тем не менее остается. Ключевой вопрос для теоретической культурологии – каковы законы этих трансформаций?

Мы полностью согласны с М.С. Каганом в том, что после Гегеля попытки постичь общие законы развития культуры (а ведь это и есть задача культурологии как науки) становятся все более редкими, а «...работа культуролога сводится либо к изучению того или иного исторического типа культуры... либо к характеристике нескольких различных исторических и этнических типов культуры...» [25. С. 30], т.е. к тому самому феноменологическому описанию единичных явлений, которые без их обобщения сущностно непознаваемы. Субстанция культуры как бы растворялась во всем бесконечном многообразии ее акциденций. Безусловно, данные о том, в каких богов верили ацтеки или чем отличаются способы охоты алеутов и эскимосов, крайне важны и сами по себе. Но лишь выведение из этих частных данных общих закономерностей культурогенеза, общих законов возникновения и развития культуры, приведет к созданию системы в культурологии, превратит ее в науку в полном смысле слова.

Человеческая деятельность зависит от условий жизни. Но она же создает новые условия, новый «контекст», который в свою очередь опосредует новые формы деятельности, а те создают новую культуру, новый общественный опыт, материализованный в артефактах, нормах поведения и языке. И так до бесконечности, ведь, как говорил Сократ, по крайней мере, ему приписываются эти слова, – нет предела совершенству. Человек постоянно творит культуру и нового себя вместе с ней, сам становится результатом своего творения. «Так замыкается, – как говорит М.С. Каган, – “круг культуры” – ее движение от человека к человеку, опосредованное создаваемой им предметностью» [25. С. 30]. Развитие культуры от человека к человеку, т.е. от себя к себе, с каждым кругом на все более и более высокой ступени общественного прогресса – понятийно постичь такое движение можно только с помощью гегелевской диалектики.

По словам Э.В. Ильенкова, логика показывает развитие научного мышления, такого мышления, которое воспроизводит в понятиях объективно существующий вне и независимо от сознания предмет. Движение же понятий воспроизводится в логике лишь с одной целью – затем воссоздать его на практике. «Диалектическая логика есть поэтому не только всеобщая схема деятельности, творчески преобразующей природу, но одновременно и всеобщая схема изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала, в котором эта деятельность выполняется и объективными требованиями которого она всегда связана» [26. С. 3]. Таким образом, логика отражает движение мира в движении понятий, тем самым становясь теоретическим отображением научного мышления. Принцип диалектического метода заключается в тождестве мышления и мыслимого, т.е. в том, чтобы

движение мысли ученого совпадало с движением развития науки.

Данный вывод не предполагает, что иные методы в культурологических исследованиях неприменимы. Наоборот, многообразие различных подходов к изучению культуры также объективно необходимо, как объективно существование многообразия явлений культуры. Но как единичное предполагает всеобщее, так многообразное предполагает единое. Эта связь познается с помощью гегелевской диалектики, диалектического монизма, универсального метода для общественных наук, в том числе культурологии; универсального не в смысле единственного, а в смысле единого, системно объединяющего различные частные методы, некоего логического «компас», не дающего сбиться с верного направления движения любой науки – движения к истине.

Список источников

1. Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 124–145.
2. Хайдеггер М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. Киев : Cartel, 1996.
3. Риккерт Г. О системе ценностей // *Науки о природе и науки о культуре*. М., 1998. С. 363–391.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : АСТ, 2019. 912 с.
5. Огородников В.П. История и философия науки : учеб. пособие для аспирантов. СПб. : Питер, 2011. 352 с.
6. Огородников В.П. Монизм или плюрализм? // *Российский гуманитарный журнал*. 2015. Т. 4, № 1. С. 50–56.
7. Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. М. : Эксмо, 2018. 207 с.
8. Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 860 с.
9. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // *Эпистемология и философия науки*. 2008. Т. 16, № 2. С. 50–65.
10. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. Международные отношения. М., 1993. 70 с.
11. Филатов В.И., Касавин И.Т., Никифоров А.Л. Обсуждаем статью «Знание» // *Эпистемология и философия науки*. 2004. Т. 1, № 1. С. 131–140.
12. Гегель Г.В.Ф. Сочинения : в 14 т. Т. 8: Философия истории. М. ; Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. 468 с.
13. Фейерабенд П.К. Наука в свободном обществе / пер. на рус. яз. А.Л. Никифорова // *Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий*. 05.09.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6634>
14. Чехов А.П. Письмо к учёному соседу // *Собрание сочинений* : в 12 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. С. 70–73.
15. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М. : Азбука, 2015. 800 с.
16. Dewey J. *Human Nature and Experience*. New York : Holt, 1916.
17. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М. : Когито-Центр ; Институт психологии РАН, 1997. 432 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. 650 с.
19. Dewey J. *Experience and Education*. New York : Macmillan, 1963.
20. Wentworth W. *Context and Understanding: An Inquiry into Socialization Theory*. New York : Elsevier, 1980.
21. Гере И.В. Фауст. М. : Азбука, 2012. 480 с.
22. Ильенков Э.В. Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 464 с.
23. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М. : Политиздат, 1980. 175 с.
24. Ойзерман Т.И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // *Вопросы философии*. 1989. № 2.
25. Каган М.С. Философия культуры : учеб. пособие. СПб., 1996. 310 с.
26. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 192 с.

References

1. Flier, A.Ya. (1997) *Sovremennaya kul'turologiya: ob'ekt, predmet, struktura* [Modern Cultural Studies: Object, Subject, Structure]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 124–145.
2. Heidegger, M. (1996) *Fenomenologiya i transtsendental'naya filosofiya tsennosti* [Phenomenology and transcendental philosophy of value]. Translated from German. Kyiv: Cartel.
3. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science and history: A critique of positivist epistemology]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 363–391.
4. Hegel, G.W.F. (2019) *Nauka logiki* [Science of logic]. Translated from German. Moscow: AST.
5. Ogorodnikov, V.P. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Saint Petersburg: Piter.
6. Ogorodnikov, V.P. (2015) Monism or pluralism? *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – The Liberal Arts in Russia*. 1 (4). pp. 50–56. (In Russian). DOI: 10.15643/libartus-2015.1.7
7. Carroll, L. (2018) *Alisa v Strane chudes* [Alice in Wonderland]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
8. Plato. (1990) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
9. Nikiforov, A.L. (2008) Ponyatie istiny v teorii poznaniya [The concept of truth in the theory of knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 2 (16). pp. 50–65. (In Russian).
10. Attali, Zh. (1993) *Na poroge novogo tysyacheletiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [On the threshold of the new millennium. International relationships]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
11. Filatov, V.I., Kasavin, I.T. & Nikiforov, A.L. (2004) Obsuzhdaem stat'yu “Znanie” [Discussing the article “Knowledge”]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 1 (1). pp. 131–140.
12. Hegel, G.W.F. (1935) *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 8. Translated from German. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

13. Feyerabend, P.K. (2012) *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society]. Translated from English by A.L. Nikiiforova. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/6634>.
14. Chekhov, A.P. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 70–73.
15. Hašek, J. (2015) *Pokhozheniya bravogo soldata Shveyka* [The Good Soldier Švejk]. Translated from Czech. Moscow: Azbuka.
16. Dewey, J. (1916) *Human Nature and Experience*. New York: Holt.
17. Cole, M. (1997) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: nauka budushchego* [Cultural-historical psychology: the science of the future]. Moscow: Kogito-Tsentr, Institute of Psychology RAS.
18. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
19. Dewey, J. (1963) *Experience and Education*. New York: Macmillan.
20. Wentworth, W. (1980) *Context and Understanding: An Inquiry into Socialization Theory*. New York: Elsevier.
21. Goethe, J.W. (2012) *Faust*. Translated from German. Moscow: Azbuka. (In Russian).
22. Il'enkov, E.V. (1991) *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. Moscow: Politizdat.
23. Il'enkov, E.V. (1980) *Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma: (Razmyshleniya nad knigoy V.I. Lenina "Materializm i empiriokrititsizm")* [Lenin's Dialectics and Metaphysics of Positivism: (Reflections on V. I. Lenin's book "Materialism and Empirio-Criticism")]. Moscow: Politizdat.
24. Oyzerman, T.I. (1989) *Sushchestvuyut li universalii v sfere kul'tury?* [Are there cultural universals?]. *Voprosy filosofii*. 2.
25. Kagan, M.S. (1996) *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Saint Petersburg: Petropolis.
26. Il'enkov, E.V. (1984) *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on history and theory]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.

Информация об авторе:

Волков П.В. – аспирант кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова (Киев, Украина). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Volkov, National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine). E-mail: pvolkov84@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2021;
одобрена после рецензирования 15.12.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 24.08.2021;
approved after reviewing 15.12.2021; accepted for publication 28.01.2022.*